

УДК 343.131.8

Д.А. Мезинов

НЕОБХОДИМО ЛИ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА» В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ?

В статье в ходе анализа высказанных в литературе мнений автор возражает против закрепления в законе понятия «объективная истина», обосновывая выводы об отсутствии точных критериев достижения объективной истины в уголовном процессе, о несовпадении понятий «объективная истина» и «достоверные выводы об устанавливаемых по уголовному делу обстоятельствах», о возможности и необходимости достижения таких выводов в ходе доказывания по уголовному делу, рассматривая их в качестве юридической (судебной) истины.

Ключевые слова: критерии достижения объективной истины, достоверность, юридическая (судебная) истина.

В последнее время по причине вынесения на обсуждение Следственным комитетом Российской Федерации [1, 2] проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» (далее – законопроект) на страницах отечественной юридической печати обострилась уже, казалось бы, утихшая дискуссия по вопросам о необходимости, возможности и критериях достижения в уголовном процессе так называемой объективной истины, как следствие, и о целесообразности внесения в отечественный уголовно-процессуальный закон соответствующих изменений, в том числе закрепления в нем понятия «объективная истина». Так, большое число отечественных ученых-процессуалистов – всего 31 человек – участвовало в данной дискуссии в специальной рубрике журнала «Библиотека криминалиста. Научный журнал» № 4 (5) 2012 г. Спектр высказанных мнений по обозначенным вопросам получился очень широк, при этом по вопросу, поставленному в названии настоящей статьи, положительный ответ, по сути, дали 18 авторов (в том числе главный редактор журнала А.Г. Волеводз [3]), отрицательный ответ – 13 авторов, часть из которых в целом все же не отказалась от рассмотрения объективной истины в качестве цели доказывания в отечественном уголовном процессе.

Приступая к изложению и обоснованию своего мнения по поставленному в названии статьи вопросу, прежде всего, с позиции здравого смысла её автор не усматривает ничего плохого в стремлении суда, а также должностных лиц стороны обвинения к установлению объективной истины по уголовному делу, соответствующем естественному желанию выяснить, «как все происходило на самом деле, в действительности». Думается, это нормально и адекватно как интересам общества и государства, так и правам и интересам личности. При этом полагаю возможным согласиться с Л.В. Головкин, считающим принцип материальной истины имманентно присущим отечественному уголовно-процессу, как сформированному в континентальной правовой системе [4.

С. 76–84], соответственно считаю оправданным рассмотрение объективной, а точнее материальной, истины в качестве цели (то есть идеального желаемого образа будущего результата) доказывания в нем. Так, применительно к отечественному уголовному процессу (и уголовно-процессуальному праву) можно утверждать, что, несмотря на возможные оговорки, например высказанные авторами концепции самоограничения государства [5], он изначально все же связан с уголовным правом, служит реализации его норм, обеспечению *правильного применения уголовного закона* («процесс – форма жизни материального закона»). Правильно применить уголовный закон означает применение его именно к *действительно виновному лицу* и в мере, соответствующей степени его вины, – в этом заложена необходимость стремиться устанавливать обстоятельства совершения преступления, отражая их в материалах уголовного дела, в полном и точном соответствии с объективной действительностью, то есть устанавливать объективную (материальную) истину по уголовному делу.

Уголовное право, как известно, отрасль публичного, а не частного права, и, выполняя по отношению к нему служебную роль, уголовный процесс должен в полной мере обеспечивать соответственно публичное начало. В то же время, как верно отметил противник законопроекта А.С. Александров, в уголовном процессе должно обеспечиваться и частное начало, оба начала (частное и публичное) находятся в диалектическом единстве и борьбе противоположностей, при этом «публичный интерес состоит в том, чтобы наказать виновного», а «частный интерес заключается в создании гарантий гражданских прав и свобод на защиту» [6. С. 144]. Он же утверждает, что под концепцией «объективной истины» скрывается стремление к доминированию публичного начала [6. С. 144]. Но нельзя допустить и другую крайность – доминирование частного начала. Думается, что утверждение объективной (материальной) истины в качестве цели доказывания есть важное условие обеспечения в уголовном процессе публичного начала, – действительно виновный должен быть наказан, к нему должен быть правильно применен уголовный закон. Автоматически стремление к достижению этой цели не влечет доминирования публичного начала над частным. Будет ли публичное начало доминировать над частным, зависит от многих условий, в частности от создания и действительного соблюдения гарантий прав участников процесса. Само по себе рассмотрение в качестве цели доказывания объективной (материальной) истины в той же мере служит обеспечению *публичного начала* уголовного процесса, во всяком случае в континентальных правовых системах, в какой, например, презумпция невиновности служит обеспечению частного начала. Важно и то, и другое, первое не должно отрицать второго и наоборот.

Разумеется, необходимо обязательно оговориться, что не «любыми средствами» суд, а также должностные лица стороны обвинения должны реализовывать стремление к установлению объективной (материальной) истины по уголовному делу, соответствующее естественному желанию выяснить, «как все происходило на самом деле, в действительности», и требования уголовно-процессуальной формы являются теми пределами, которые все же ограничивают это обеспечивающее в уголовном процессе публичное начало стремления к мере, необходимой для обеспечения его частного начала. Таким обра-

зом, рассмотрение объективной (материальной) истины в качестве цели (то есть идеального желаемого образа будущего результата) доказывания и соответствующее стремление суда и должностных лиц стороны обвинения к её достижению путем принятия всех допустимых законом мер естественны для отечественного уголовного процесса, как исходно развивающегося в рамках континентальной правовой системы.

Между тем, несмотря на приведенные суждения, положительно ответить на поставленный в названии статьи вопрос её автору не позволяет, прежде всего, *отсутствие точных критериев* достижения судом (иным субъектом доказывания) в уголовном процессе того, что принято называть объективной истиной. Необходимость использования таких критериев вызывает опосредованность (реконструируемость по следам) получаемых в нем знаний об устанавливаемых фактах, как известно всегда являющихся для суда и других субъектов уголовного процесса событиями прошлого (как, например, и события, реконструируемые в исторических знаниях).

Прежде всего, для судей, как и для субъектов расследования, прокуроров и иных профессиональных участников уголовного процесса, в силу правил об отводе недопустимо быть непосредственными наблюдателями (очевидцами) действительного существования устанавливаемых по уголовному делу фактов. Поэтому непосредственное наблюдение и восприятие этих фактов в качестве критерия истинности знаний об этих фактах в уголовном процессе рассматриваться не могут.

Проявление закономерностей объективной действительности, в том числе определенных событий прошлого, можно наблюдать и в искусственно и досконально воссозданных экспериментальных условиях. Успешность такого рода экспериментов является главным критерием истинности знаний в области математических, естественных и технических наук (где и содержатся образцы подлинно научного знания). Однако в уголовно-процессуальном познании проведение подобных экспериментов, предполагающих максимально полное управление причинами изучаемого явления и воссоздание условий, на него влияющих, исключено. Преступление, как изучаемое в уголовном процессе явление, имеет общественную природу, и полное искусственное воссоздание причин и условий такого рода явлений в ходе эксперимента невозможно. Кроме того, в отношении преступления такой «эксперимент» в случае его успешности будет повторным совершением этого преступления.

Очевидно, не подходят для уголовного процесса и философские рассуждения о практике как критерии истинности знаний, получаемых судом по результатам рассмотрения конкретного уголовного дела, на что ссылались в свое время ученые советского периода [7. С. 340–342; 8. С. 60–62; 9. С. 91–104] и которые поддерживаются немногими современными авторами [10. С. 220]. По существу, советские процессуалисты проявление практики как критерия истины в уголовном процессе видели в качественной деятельности (всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела и т.п.) следователей и судей, но, по верному замечанию Д.П. Туленкова, «все это характеризует познавательную деятельность лишь как способ ее осуществления, однако не критерий истинности выводов» [11. С. 31].

Практику в качестве критерия истины, как отмечено А.Ф. Лубиным, в известной мере можно рассматривать, имея в виду массовидную судебную практику (уголовный процесс вообще, процесс доказывания вообще). «При этом нужно учесть, – пишет он, – что достигается объективная истинность тех уголовно-процессуальных решений, которые были вынесены в прошлом, как тенденция и закономерность» [12. С. 30]. Однако применительно к производству по конкретному уголовному делу считать практику критерием истины неуместно, дополнительные аргументы в обоснование этого вывода приводит и А.А. Козявин, уделивший отдельное внимание критике рассмотрения практики в качестве такого критерия [13. С. 112–115]. Вообще же попытка распространить на производство по конкретному уголовному делу философское понимание практики как критерия истинности получаемых в нем знаний об устанавливаемых фактах, думается, была явно неудачной и искусственной (видимо, в силу идеологических причин).

В качестве критерия соответствия объективной истине получаемого в уголовном процессе знания рассматривается также внутреннее убеждение суда в действительном существовании установленных и описанных им в решении фактов [10 С. 221; 11; 14. С. 47; 15. С. 179–182; 16. С. 180–185]. Реально к такому внутреннему убеждению суд должен и в большинстве случаев может прийти при принятии своего решения по делу, однако означает ли его наличие у суда, что его знания-выводы гарантированно полно и точно соответствуют самим исследованным фактам – событиям прошлого?

По классическому для советского периода и, надо признать, актуальному для настоящего времени определению М.С. Строговича: «Внутреннее убеждение есть *разумная уверенность* советских судей в правильности их выводов по делу, достигнутая тщательным и всесторонним исследованием обстоятельств дела и вытекающая из твердо установленных и достоверных обстоятельств дела» [7. С. 337]. Уместно также привести его высказывания о том, что «внутренне убеждение – всегда *субъективно*», оно «есть *субъективное* выражение объективной истины» [7. С. 339]. Думается, сам по себе фактор субъективности внутреннего убеждения, его отнесенности к малоконтролируемым самим субъектом познания явлениям его психической реальности, которые непосредственно не изучаются извне, а потому представляются лишь умозрительно, свидетельствует об отсутствии гарантий точности этого критерия для определения объективной истинности знаний-выводов суда (других субъектов уголовного процесса), да и ставит вопрос о точности прилагательного «объективная» для обозначения истины.

Далее, разработчики законопроекта по существу считают, что достижение объективной истины по уголовному делу гарантируется достоверностью (обусловленной главным образом правильным логическим познанием) выводов суда об устанавливаемых фактах [2; 17. С. 252]. Тем самым понятия «достоверность» и «объективная истина», по сути, отождествляются, что было характерно и для работ многих отечественных процессуалистов советских времен [7. С. 326; 18. С. 27; 19. С. 58–59]. Есть серьезные аргументы для возражений против такого понимания, которые также

не позволяют дать положительный ответ на поставленный в названии настоящей статьи вопрос.

Достоверность, по верному мнению Г.М. Резника, характеризует обоснованность знания, его доказанность, а объективная истина может выступать не только в форме доказанного, обоснованного знания, но и в виде гипотезы [20. С. 63]. При этом достоверное знание является знанием не только уже проверенным, но и в любой момент времени «подлежащим проверке» [21. С. 171], то есть всегда открытым для проверки. Следует также признать фактор субъективности (то есть зависимости от субъекта познания) достоверного знания. Так, то, в каких случаях выводы суда об устанавливаемых по уголовному делу фактах можно считать достоверными, зависит от характерных для конкретной исторической эпохи познавательных возможностей субъектов уголовно-процессуального доказывания, в том числе от развития языковых средств отражения и передачи сведений о произошедших в прошлом фактах [22. С. 232–274]. Субъекты уголовно-процессуального доказывания, да и общество в целом, к которому обращены их выводы, руководствуются сложившимся пониманием относительно того, какие знания в определенных ситуациях, при определенной доказательственной базе следует считать достоверными и, соответственно, *признавать* «объективно» истинными. Это понимание складывается в результате научных исследований, развития законодательной и судебной практики, а также влияния иных общественных факторов, например идеологии, политики, творчества (литературы, кинематографа и др.). В результате действия отмеченных факторов оно приобретает характер своеобразно согласованного понимания, то есть с ним согласны все или большинство людей в определенном обществе и в определенную историческую эпоху. В этом смысле можно условно говорить о конвенциональном характере [22. С. 272–273] истины (то есть ее обусловленности договоренностью, соглашением людей) во всех случаях ее установления по уголовному делу, а не только в случаях, когда решение по делу обусловлено прямо предусмотренным законом, например, гл. 40 и 40.1, ст. 25 УПК РФ, соглашением сторон, то есть основано на так называемой конвенциональной [23. С. 21–22] истине.

Достаточно точно субъективный характер достоверного знания передан в высказываниях Г.М. Резника и В.Ю. Миронова. «Объективная истинность знания, – отметил Г.М. Резник, – не зависит от субъекта с его способами рассуждения и доказательства; достоверность знания, напротив, целиком определяется уровнем развития средств познания, которыми субъект обладает» [20. С. 64]. В свою очередь, В.Ю. Мироновым сделан вывод о том, что «достоверность выводов следствия и суда в уголовном процессе России носит субъективную природу, ибо представляет собой несомненность знания, обусловленную доказанностью наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих установлению в порядке расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела» [24. С. 111].

Верно замечено также, что «вывод суда, основанный на исследованных в судебном заседании доказательствах, является достоверным (достойным веры) в том смысле, что в ходе судебного разбирательства не появилось чего-либо, что можно было бы ему противопоставить, что давало бы повод усомниться в этом» [11. С. 32]. Как уже отмечалось, знания-выводы об устанавли-

ваемых по уголовному делу фактах, всегда относящихся к прошлому времени, являются реконструкцией по отразившим на себе эти факты следам. Вывод о достоверности доказательств – носителей этих следов – в каждом случае оценки конкретного доказательства всегда условен, относителен. Например, применительно к показаниям свидетеля такими условиями признания их достоверными являются: отсутствие выявленной субъектом доказывания заинтересованности свидетеля в исходе дела, отсутствие выявленных данным субъектом субъективных и объективных препятствий для правильного восприятия и запоминания этим свидетелем фактов, о которых он дает показания, а также правильного воспроизведения им сведений об этих фактах.

Возможности выявления всех обстоятельств, необходимых для оценки достоверности собранных доказательств, для любого субъекта доказывания всегда ограничены как субъективными, так и объективными условиями процесса познания исследуемых по уголовному делу фактов. Так, многие следы (в широком смысле этого термина) событий прошлого могут являться не только искаженным отражением этих событий, но и просто исчезнуть как в силу объективных природных процессов, так и в результате преднамеренных действий заинтересованных лиц. Правильно утверждается, что уголовно-процессуальное доказывание нельзя уподоблять логической демонстрации, математическому доказыванию, поскольку готового знания в уголовном процессе нет, его еще надо получить [6. С. 144]. Вследствие главным образом особенностей получения знаний в уголовном процессе нет оснований отождествлять достоверные выводы суда по уголовному делу с объективной истиной по нему, то есть считать достоверность выводов суда абсолютно точным критерием достижения такой истины.

В литературе уместно отмечено, что в этимологической расшифровке слово «достоверность» означает «*достойный веры*» [25. С. 41], чем достаточно точно передается смысл этого понятия. Иными словами, достоверное знание – это знание, придающее познающему субъекту веру в истинность этого знания, *уверенность* в этом, то есть вызывающее у него не что иное, как внутреннее убеждение. Учитывая изложенное выше, внутреннее убеждение судьи (а также следователя, прокурора) точнее рассматривать в качестве критерия именно достоверности его знаний-выводов об устанавливаемых им по уголовному делу фактах, а не «объективной» истинности этих выводов-знаний, что характерно для работ ученых советского времени [7. С. 337, 339], а также некоторых современных авторов [10. С. 221]. Уместно здесь привести высказывание Л.Е. Владимирова: «Внутреннее убеждение как мерило уголовно-судебной достоверности означает, что последняя обыкновенно есть только нравственная очевидность, то есть та высокая степень вероятности, при которой благоразумный человек считает уже возможным действовать в случаях, когда судьба собственных и самых высших его интересов зависит от решения вопроса о достоверности фактов, обуславливающих самый акт решения» [14. С. 47].

Относительно характера внутреннего убеждения, которого должен достигнуть суд при формулировании своих выводов об устанавливаемых по уголовному делу фактах, адекватным реальности представляется понимание внутреннего убеждения судьи как личной достоверности в немецкой теории

уголовного процесса. Так, Б.А. Филимонов, проанализировав соответствующее германское законодательство, пояснил: «Судейское убеждение – это основанная на жизненном опыте достоверность, которой *не противоречит разумное сомнение*... Под достоверностью здесь понимается не математическая, а практическая достоверность, доступная человеческому познанию и которая в силу своей сущности может быть и опровержимой... Эта личная достоверность необходима, но и достаточна для осуждения подсудимого. Понятие убеждения *не исключает* возможности существования и иных, противоположных, обстоятельств дела. Скорее всего, это относится к природе убеждения, поскольку очень часто остается субъективная возможность сомнения» [26. С. 76].

Действительно, наличие у судьи внутреннего убеждения, дающего ему право на вынесение приговора (особенно обвинительного), предполагает отсутствие у него не абсолютно всяких сомнений, а неустранимых (ч. 3 ст. 14, п. 5 ч. 3 ст. 340 УПК РФ), точнее, неустранимых *разумных сомнений* [27. С. 639; 28. С. 19], поскольку некоторые сомнения у вменяемого субъекта познания всегда должны оставаться. Еще Вл. Случевский точно отметил: «О полной несомненности не может быть и речи в области судебного исследования» [29. С. 379]. Для достижения достоверных выводов разумные сомнения должны устраняться в ходе активной мыслительной деятельности субъекта познания, основанной на общепризнанном понимании того, какие выводы-знания при определенной доказательственной базе в определенных ситуациях следует считать достоверными, а какие – невероятными или маловероятными (в уголовном процессе последние выступают в виде отвергнутых версий).

Против стандарта (принципа) «вне разумных сомнений» выступили разработчики и сторонники законопроекта. Так, Г.К. Смирнов считает, что этот стандарт противоречит требованию об установлении объективной истины, «заменяв её критерием разумной доказанности» [17. С. 250]. В то же время противник законопроекта А.С. Александров веско замечает: «Что же касается собственно концепции «отсутствия разумного сомнения» (*beyond a reasonable doubt*), то она нормативно закреплена в ст. 49 Конституции РФ, в ст.ст. 7, 8, 14, 19 и ч. 4 ст. 299 УПК РФ. Она неразрывно связана с состязательностью (ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ), свободой оценки доказательств по внутреннему убеждению (ст. 17 УПК РФ), она составляет неотъемлемую часть любой развитой системы уголовного правосудия... является стержневой не только для англо-американской правовой семьи, но и романо-германской – тоже» [6. С. 145].

Складывается впечатление, что непринятие разработчиками и сторонниками законопроекта стандарта «вне разумных сомнений» происходит по инерции, вслед за советскими разработчиками концепции «объективной истины», также отвергавшими этот стандарт (в основном по идеологическим причинам – как «буржуазный» и т.д.). Но что предлагается взамен этого стандарта? Внутреннее убеждение при отсутствии всякого сомнения? Возможно ли такое убеждение у *вменяемого, объективно и разносторонне* (а не субъективно и шаблонно) мыслящего человека (судьи, прокурора, следователя)? При многих обстоятельствах такой человек, делая маловероятные или невероятные (на первый взгляд) предположения об устанавливаемых фактах,

будет переживать сомнения, которые невозможно полностью устранить, но и нельзя в конкретной ситуации признать разумными (например, при наличии достаточной совокупности косвенных доказательств вины обвиняемого, делая предположения о том, что убийство совершил не он, а лицо, прошедшее к месту происшествия под неусыпным взором свидетелей, но оставшееся незамеченным ими в силу владения этим лицом навыками гипноза). По логике отвергающих стандарт «вне разумных сомнений» в таких ситуациях суду надо продолжать процесс познания, дальше проверяя подобные маловероятные и невероятные (на первый взгляд) версии?

В реальности же именно стандарт «вне разумных сомнений» реализуется при исследовании обстоятельств совершения преступлений следователями, прокурорами, судьями, в том числе теми, которые считают, что устанавливают «объективную истину». Иными словами, ими устраняются именно «разумные сомнения», до устранения «неразумных сомнений», к счастью, на практике дело не доходит, иначе процесс исследования обстоятельства каждого совершенного преступления был бы бесконечен.

Итак, в уголовном процессе судом могут и должны быть в большинстве случаев достигнуты основанные на его внутреннем убеждении (при отсутствии неустраняемых разумных сомнений) достоверные (достойные веры), предельно обоснованные доказательствами знания-выводы об устанавливаемых фактах. Использование понятия «объективная истина» для обозначения таких знаний-выводов ввиду описанных выше особенностей устанавливаемых в уголовном процессе фактов, а также самой деятельности по получению этих знаний-выводов нельзя признать удачным. Такие знания-выводы признаются общественностью в качестве «объективной» истины по уголовному делу, но это происходит в силу сложившегося в данном обществе в данную историческую эпоху конвенционального понимания того, что в определенных ситуациях считать такой истиной. Эти выводы могут (и вероятно, будут в большинстве случаев, учитывая современную развитость средств доказывания) соответствовать объективной действительности, но могут и не соответствовать, при этом точного критерия определения такого соответствия, то есть критерия, позволяющего однозначно свидетельствовать о достижении объективной истины судом (иным субъектом доказывания) в уголовном процессе, не существует. Поэтому рассмотрение применительно к отечественному уголовному процессу объективной (материальной) истины в качестве цели доказывания, то есть идеального желаемого образа его будущего результата, не должно означать необходимость закрепления в законе безусловной обязанности суда и должностных лиц стороны обвинения достигать в своих знаниях-выводах того, что принято называть таковой истиной. Как верно отмечено и А.С. Александровым, следует различать стремление к истине и нормативное предписание об обязанности её достижения [6].

Ввиду сказанного следует ставить вопрос не об обязанности достижения в уголовном процессе «объективной» истины (о факте достижения которой однозначно судить невозможно), а о необходимости достижения судом (а также и должностными лицами стороны обвинения) основанных *на внутреннем убеждении (при отсутствии неустраняемых разумных сомнений)* досто-

верных (достойных веры), предельно обоснованных доказательствами знаний-выводов об устанавливаемых фактах, которые общественность примет как истинные.

По изложенным выше причинам безоговорочно назвать достоверные (в обозначенном смысле) знания-выводы суда объективной истиной нельзя, даже если суд (а также должностное лицо стороны обвинения) считает, что в своих выводах достиг такой истины и стремился к этому в силу её закрепления в законе в качестве цели доказывания. Не являлись исключением и выводы, делаемые судами в своих приговорах в период действия советского законодательства, к которому разработчики и сторонники законопроекта относят положительный опыт реализации концепции «объективной истины». Поэтому эти реально достигаемые в ходе уголовного судопроизводства знания-выводы более правильно называть *юридической* или *судебной* истиной. Поскольку такая истина или, по терминологии Л.Е. Владимирова, Вл. Случевского, *уголовно-судебная достоверность* [14. С. 47; 29. С. 380] должна быть *удостоверена* допустимыми и исследованными в ходе судебного следствия доказательствами и именно её суд должен представить общественности, изложив в своем приговоре.

Юридическая (судебная) истина в изложенном понимании совпадает именно с достоверными выводами об устанавливаемых по уголовному делу фактах и её, вопреки мнению разработчиков законопроекта [17. С. 250], следует отличать от формальной истины, характерной для средневекового инквизиционного типа процесса, где истиной, разрешающей уголовное дело, провозглашались, по сути, вероятностные предположения о фактах, выдвигаемые по правилам формальной теории доказательств (свобода оценки доказательств по внутреннему убеждению отсутствовала). Обозначенную юридическую (судебную) истину не следует путать и с конвенциональной истиной, являющейся в известном смысле разновидностью формальной истины, то есть с возможностью разрешения уголовного дела при признании истинными предположений о фактах, выдвигаемых при соблюдении формальных требований закона и наличии определенным образом выраженного согласия сторон (в современном УПК РФ предусмотрена гл. 32.1, 40 и 40.1, ст. 25 и некоторыми другими). Также необходимо отграничение от так называемой «презуппционной» истины, например от установленной согласно презумпции невиновности, кладущейся в основу разрешения уголовного дела при исчерпании возможностей её опровержения.

Уместно привести здесь замечание В.М. Корнукова о том, что юридическая истина неправомерно противопоставляется объективной истине и используется как синоним формальной. «Этимологически юридическая истина, – пишет он, – означает то, что доказано и признано в установленном правом порядке и нашло отражение в соответствующем процессуальном решении, вступившем в законную силу» [30. С. 159]. В свою очередь, Н.Г. Стойко верно отмечает: «При этом истина как познавательный ориентир идеальна, как познавательный результат – реальна, а потому в условиях уголовного процесса всегда имеет характер юридически формализованной судебной истины, с более или менее высокой степенью вероятности (вне разумных сомнений) приближенной к действительности» [31. С. 270].

Независимо от того, стремился суд к установлению объективной истины в силу требований закона или не стремился ввиду отсутствия в законе такого требования, для суда истина есть то, что усматривается из допустимых и исследованных в ходе судебного следствия доказательств, удостоверяется ими как для самого суда, так и для общественности, то есть юридическая (судебная) истина в обозначенном выше смысле. По точному утверждению Ю. Костанова, отрицание приоритета такой истины над объективной истиной «на практике приводит к фальсификации доказательств, подтасовыванию фактов, назначению виновными первых попавших под руку оперработникам и следователям, применению незаконных методов ведения следствия» [32. С. 27]. И если разработчики законопроекта, противопоставляя [17. С. 256–258] объективную истину юридической истине, имеют в виду, что приговор следует основывать не на той картине мира, которая нарисована доказательствами (юридическая истина), а на той, которая видится, вопреки доказательствам, «объективно» истинной судьбе, то возвращение в УПК РФ «объективной истины» в их понимании создаст дополнительные условия для судебного (а также следственного и прокурорского) произвола и беззакония (от которого, к сожалению, и без этого не удастся избавиться).

Таким образом, учитывая изложенное выше, использование в уголовно-процессуальном законе словосочетания «объективная истина» нельзя признать адекватным реальным особенностям познавательной деятельности в уголовном процессе. Поэтому и на вопрос, поставленный в названии настоящей статьи, напрашивается отрицательный ответ. Полагаю возможным возразить и против закрепления этого словосочетания в УПК РФ в том виде, как это предложено в законопроекте (формулировка названия законопроекта, предлагаемые в нем редакции п. 22.1 ст. 5, ч. 1 ст. 16.1, ч. 1.1 ст. 238, ч. 5.1 ст. 247, ч. 4 ст. 275, ст. 380.1 и 389.16.1 УПК РФ). Добавлю, что это словосочетание, отражая советские философские изыскания и будучи не критично перенято у философии, ввиду своей абстрагированности и не являясь правовой категорией, не очень уместно для использования в юридической плоскости [30. С. 160; 32. С. 22, 23], а применительно к отечественному уголовному процессу им прикрыта негативная для настоящего времени идеологическая подоплека. Выше уже обосновывалось, что в уголовном процессе реально достижима юридическая (судебная) истина, то есть основанные на внутреннем убеждении (при отсутствии неустранимых разумных сомнений), предельно обоснованные доказательствами достоверные выводы об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения уголовного дела. Применительно именно к такой достоверности можно говорить о доказанности и, что важно, проверяемости принимаемых по уголовному делу решений. Поэтому правильнее будет и в уголовно-процессуальном законе использовать выражение «достоверные выводы об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения уголовного дела». Это вполне будет соответствовать разумному пониманию юридической (судебной) истины или «уголовно-судебной достоверности» как цели доказывания, характерному для отечественных ученых дореволюционного периода [15. С. 47; 29. С. 380; 33. С. 303].

В то же время предложение законопроекта закрепить для суда и должностных лиц стороны обвинения обязанность принятия всех необходимых мер

к всестороннему, полному и объективному выяснению (исследованию) обстоятельств, подлежащих доказыванию (предлагаемые в законопроекте редакции ч. 3 ст. 15, ч. 1 ст. 16.1, ч. 1 ст. 17, ст. 119, ч. 1 ст. 243 УПК РФ), считаю вполне разумным и целесообразным. Разумеется, с оговоркой, что исполняться эта обязанность будет для достижения достоверных выводов об обстоятельствах уголовного дела, а не для предлагаемого в законопроекте установления «объективной истины». Сама же по себе данная обязанность, по точному замечанию В.А. Лазаревой, «не равнозначна обязанности установить так называемую объективную истину» [34. С. 172]. Думается, данная обязанность должна неотъемлемо включаться в содержание как осуществляемой соответствующими должностными лицами от имени государства функции обвинения, так и функции разрешения уголовного дела, возлагаемой на суд. Применительно к предварительному расследованию, как обоснованно утверждает Ю.К. Якимович, требование объективности, всесторонности, полноты уже закреплено во многих нормах УПК РФ [35. С. 605]. Непризнание этой обязанности означает, что уполномоченные субъекты уголовного процесса, в том числе суд, вправе выяснять (исследовать) обстоятельства дела «неполно», «необъективно», «не всесторонне», то есть частично, субъективно (пристрастно), односторонне (в пользу одной из сторон). Вряд ли такое отношение к исследованию обстоятельств уголовного дела со стороны не только суда, но и обладающих властными полномочиями субъектов обвинения будет нормальным и адекватным как интересам общества и государства, так и правам и интересам личности.

При этом необходимые меры, принимаемые судом и должностными лицами стороны обвинения для соответствующего выяснения (исследования) обстоятельств уголовного дела, должны быть предусмотрены уголовно-процессуальным законом. Полагаю, оговорка в тексте соответствующих статей УПК РФ о том, что необходимые меры должны быть предусмотрены «настоящим Кодексом», все же является некоторым препятствием на пути возможных произвола со стороны властных субъектов доказывания и стремления «любыми средствами», «любой ценой» достигнуть своих целей (которые также могут пониматься превратно). Поэтому отсутствие такой оговорки в некоторых предлагаемых в законопроекте посвященных всестороннему, полному и объективному выяснению (исследования) обстоятельств уголовного дела редакциях статей УПК РФ (ч. 2 ст. 16.1, ч. 1 ст. 243) целесообразно исправить.

Литература

1. *Проект* федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. 2007-2013. URL: <http://sledcom.ru/discussions/?SID=3551> (дата обращения: 25.03.2012).
2. *Пояснительная записка* к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. 2007-2013. URL: <http://sledcom.ru/discussions/?SID=3551> (дата обращения: 25.03.2012).

3. *Волеводз А.Г.* Истина в уголовном судопроизводстве: точки зрения, сомнения и аргументы науки // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 5–6.
4. *Головкин Л.В.* Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 65–87.
5. *Мизулина Е.Б.* Цель уголовного процесса и охрана прав личности обвиняемого // Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1990. С. 139–148.
6. *Александров А.С.* Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3. С. 142–157.
7. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 472 с.
8. *Теория доказательств в советском уголовном процессе* / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 734 с.
9. *Трусов А.И.* Основы теории судебных доказательств (Краткий очерк). М.: Госюриздат, 1960. 176 с.
10. *Победкин А.В.* Моральные победы не считаются? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 209–223.
11. *Туленков Д.П.* Внутреннее убеждение как критерий истины в уголовном процессе // Российский судья. 2007. № 2. С. 29–32.
12. *Лубин А.Ф.* О цели доказывания в уголовном судопроизводстве // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 27–32.
13. *Козьявин А.А.* Критерий истины, познаваемой в уголовном процессе, в свете возможности ее нормативной формализации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 111–117.
14. *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 462 с.
15. *Познышев С.В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. 328 с.
16. *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1950. 308 с.
17. *Смирнов Г.К.* Объективная истина как ориентир уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 250–258.
18. *Фаткуллин Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. 204 с.
19. *Зинатуллин З.З.* Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 180 с.
20. *Резник Г.М.* Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юрид. лит., 1977. 119 с.
21. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. 3-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1910. Т. 2. 572 с.
22. *Александров А.С.* Язык уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 650 с.
23. *Карякин Е.А.* Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. М.: Юрлитинформ, 2009. 296 с.
24. *Миронов В.Ю.* Достоверность выводов следствия и суда: логический аспект // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 106–112.
25. *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М., 1967. 290 с.
26. *Филлимонов Б.А.* Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. М.: СПАРК, 1994. 157 с.
27. *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации* / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. 1124 с.
28. *Кухта А.А.* К вопросу о стандарте судебной достоверности в виде «отсутствия разумных сомнений» // Российский судья. 2007. № 4. С. 18–20.
29. *Случевский Вл.* Учебник русского уголовного процесса. 4-е изд., доп. и испр. СПб., 1913. 669 с.
30. *Корнуков В.М.* Возможен и нужен ли возврат концепции объективной истины в законодательство и практику российского уголовного судопроизводства? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 153–164.

31. *Стойко Н.Г.* Достижение истины в современном следственном и состязательном уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 264–273.
32. *Костанов Ю.* Истина в уголовном процессе // Закон. 2012. № 6. С. 17–27.
33. *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. СПб., 1914. 547 с.
34. *Лазарева В.А.* Объективна ли «объективная истина»? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 171–176.
35. *Якимович Ю.К.* Избранные труды. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011. 772 с.